

11050632
Госуд. публ. б-ка
историческая

4-й экз.

Новый Восток ЖУРНАЛ

Научной Ассоциации
Востоковедения
Сорока С С Р.

Под общей редакцией
М. Павловна.

Nouvel Orient

Revue de l'Association Russe
pour les Etudes Orientales
Rédacteur en chef
Michel Pavlovitch

Жизнь 10-11
Москва

БИБЛИОТЕКА
КРАСНОГО ВОСТОЧНОГО
ОБЩЕСТВА

Изучение древних сооружений Средней Азии.

Вопросы охраны и изучения древних сооружений Средней Азии в настоящее время в связи с подъемом национально-политической жизни Восточных Республик СССР в ряду других культурных задач выдвигаются на видное место.

В разбросанных памятниках во всей стране мы видим следы различных эпох, пережитых сменявшимися народами Средней Азии, следы культурных подъемов, сложной политической обстановки и арены мировых столкновений в минувшие века.

Особый склад жизни, быта, условия обитаемых местностей, особые климатические и геологические условия, особенности строительных материалов и, наконец, особенности древнейших культур и древнейших культов отразились на создании замечательных композиционных традиций, архитектурных форм и строительных приемов. Свообразная, еще пока не исследованная, психология местного творчества, весьма отличительная от общепринятых понятий о восточной экзотике, сложившаяся под влиянием мировых столкновений разных культур, должна быть выявлена предстоящими в ближайший ряд лет исследованиями.

На-ряду с изучением истории Средней Азии, быта ее народов, необходимо углубленное исследование памятников этого края, так как оно поможет нам в деле культурного строительства молодых Республик, призванных историей наших дней к самостоятельной национальной жизни.

Особенно еще нужно заняться этим потому, что Средняя Азия в смысле и общих научных исследований имеет на своих картах еще значительные белые места, а тем более в смысле истории искусств и археологии не только для нас, но и для Запада, пока-что во многом.

Пять лет тому назад Советское правительство в лице первого состава Комиссии ВЦИК по делам Туркестана, несмотря на тяжелые общегосударственные условия, обратило внимание на катастрофическое состояние исторических памятников г. Самарканда (памятники мусульманского зодчества) и поручила уполномоченному Главархива РСФСР Д.И. Нечкину организовать дело охраны памятников старины и искусства в Туркестане: таким образом был создан Туркестанский Комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Турком-

старис). За это время Туркомстарисом была проделана большая предварительная работа не только по учету и регистрации памятников старины, но и по охране их; особенно необходимо отметить разработку Туркомстарисом ряда законодательных актов по взятию на учет 52 исторических памятников, ремонту и реставрации их, чего до сих пор не сделано в центре.

С начала своей деятельности Туркомстарис, учитывая грандиозность лежащих перед ним задач в области охраны памятников старины Средней Азии, поставил вопрос не только о привлечении в Туркестан научных сил из Центра, но и установил связь с Главмузеем РСФСР, благодаря чему была создана особая Средне-азиатская реставрационная комиссия¹⁾ для авторитетного разрешения разного рода вопросов реставрации и ремонта, вносимых в нее Туркомстарисом. Кроме того, Туркомстарис в своей работе постоянно поддерживал живую связь с Научной Ассоциацией Востоковедения при ЦИК СССР, что было особенно важно при отсутствии или распыленности местных сил. Такая организационная увязка заинтересованных учреждений весьма благотворно отразилась на разрешении многих вопросов охраны древних сооружений Туркестана, и надо полагать, что в дальнейшем она примет более устойчивую форму. Ныне Туркомстарису в связи с национ. размежеванием придано значение Средне-азиатского органа („Средазкомстарис“), что особенно надо приветствовать, ибо это решение Средне-Азиатских Республик весьма правильно разрешает организационную форму учреждения, охраняющего памятники мирового значения. Выдвинутый в настоящее время Д. И. Нечкиным (председатель Средазкомстариса) проект о создании органа, направляющего и координирующего работу в союзном масштабе по музейному строительству и охране памятников старины, искусства и природы еще более укрепит научно-исследовательскую работу этого порядка, и надо надеяться, что инициатива из Средней Азии будет поддержана и в Центре.

При разрешении вопросов охраны памятников старины в Средней Азии необходимо отметить рост интереса и инициативы мест со стороны населения к охране своих памятников. Так, например, в 1923 году был восстановлен местным населением минарет в киплаке Узгене, который на протяжении 800 лет стоял без ремонта и на памяти русских находился в руинном состоянии.

В гор. Бухаре восстановлена верхняя часть большого известного минарета, поврежденного в 1920 году снарядом; в гор. Коканде с большим подъемом общественной организацией Союзом Кипчи произведено восста-

¹⁾ Состав комиссии: председ. проф. И. В. Рыльский, члены: Н. Р. Левинсон, архит. Д. П. Сухов, архит. Б. Н. Засыпкин, представ. от РАИМК проф. Н. Б. Бакланов, представ. от ВНАВ проф. В. П. Денико, от РАХН—архит. М. Я. Гинзбург и представители от Средне-Азиатских Республик.

новление дворца Худояр-Хана с массовым участием в работах добровольной помощью населения окрестных кишлаков; при капитальном ремонте Самарк. комиссией Средазкомстариса мавзолея Хаджи-Абди-Даруна в окрестностях Самарканда жители ближайших кварталов способствовали успешному проведению работ как денежной помощью, так и выставлением бесплатных рабочих рук.

К сожалению, нужно сказать, что все эти работы, проведенные местами без согласования со Средазкомстарисом, имеют в результате большое искажение исторического вида памятников; в Урене верхняя часть представляет вольную фантазию местного каменщика, в Бухаре у минарета сталактитовый карниз верхушки понижен на один ряд сталактитов и т. д.

Эти обстоятельства лишь раз подтверждают необходимость вести ремонт и реставрацию памятников старины и искусства исключительно специально созданным для этого органом, каковым для Туркестана является Средазкомстарис. Установленная им годами связь с органами Центра (Реставр. комиссия отдела по делам Музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки НКП, Ассоциация Востоковедения, Академия Истории Матер. Культуры и др.) гарантирует невозможность повторения таких ошибок.

Так как охрана древних сооружений Средней Азии декретируется правительствами Союзных Восточных Республик как дело государства, то вопросы практического осуществления охраны и реставрации таковых ставятся, как краеугольный камень всей научной работы по изучению исторического прошлого архитектуры Средней Азии. В особенности в настоящее время вопросы реставрации приобретают широкообщественное значение, в виду национального размежевания Средней Азии и в частности переноса столицы Узбекистана в Самарканд, уделявшееся которому внимание в настоящее время должно быть еще более усилено.

Предстоят большие работы по ремонту сооружений Регстана и в особенности реально поставлен вопрос о выпрямлении северо-восточного минарета при медресе Улуг-Бека.

Если по вопросу охраны уже довольно хорошо известных нам памятников русского зодчества, изучению которых посвящен ряд ценных научных трудов, при практическом осуществлении встречаются почти всегда затруднения, то вопросы реставрации средне-азиатских памятников для русских зодчих явились вопросами новыми в виду особенностей средне-азиатских сооружений, и так как в силу обстоятельств осуществление реставрационных работ несколько опередило научно-исследовательские работы по общему изучению архитектуры Средней Азии, то в настоящее время осуществление научных работ в Средней Азии производится в двух направлениях: 1) регистрация, обследования и предварительная фиксация памятников; 2) детальное исследование, детальная

архитектурная и фотографическая фиксация и выполнение реставрационных работ. По этим двум разделам, насколько позволяют размеры настоящей статьи, мы постараемся осветить как исследовательские, так и реставрационные работы, производимые сейчас в Средней Азии, не претендуя на полноту и систематическое изложение добытых результатов.

Сохранившиеся и дошедшие до нас древние сооружения Средней Азии относятся к мусульманской эпохе. Памятников архитектуры более древних времен до нас не сохранилось, и будем надеяться, что будущие научно-археологические раскопки глубоких слоев, не обследованных древних культурных центров Азии, быть может отчасти заполнят этот пробел, как необходимый для увязки мусульманского искусства с искусством древнейших культур Средней Азии.

Самые ранние из сохранившихся памятников мусульманской архитектуры этого края относятся к X веку.

Воинствующая религия, начиная с VII века, пришедшая в Среднюю Азию через Персию, несколько веков огнем и мечом насаждала учение Магомета. Чрезвычайно строгая религия завладевает не только всеми сторонами жизни мусульманина, но и накладывает запрет на различные проявления творческих инстинктов. Искусство ограничивается определенными требованиями и освященными традициями. На долю архитектуры выпадают, главным образом, культовые задачи.

Говоря о влиянии культа на строительство, нельзя, однако, считать, что религия создала архитектурные формы. Они сложились из других факторов, но религия закрепила раз навсегда известные композиционные приемы, которые в следующие века и поколения, вплоть до наших дней, оставались неизменными, варьируя с эволюцией быта. Это закрепление и ограничение свободы композиционного творчества повлияло на архитектуру в смысле направления всей творческой энергии и изощренности изобретательного ума, в сторону углубления декоративной обработки сооружений, привело к невиданной разработке декоративных частей и ornamentации.

В архитектуре ислама нас прежде всего интересуют те традиции и строительные приемы, которые принесла религия на первых порах, и появление чисто-мусульманских черт и изобретений. При общем взгляде на архитектуру Средней Азии, Персии и Афганистана, мы находим в них много родственного, но вопрос о том, где зародилась общая основа искусства этих сопредельных стран, откуда появились формы и композиционные традиции, а также строительные приемы, в каком направлении распространялось влияние и т. д., — остается для нас пока открытым.

Из исторических трудов мы знаем, что ислам в течение трех-четырех веков упорно воевал с религиями, которые он застал в Средней Азии, а именно с буддизмом, с несторианством (христианством), с рели-

гией Зороастра, почти вплоть до нашествия монголов в начале XIII века, которые, победив мусульманские страны, на первых порах еще придерживались своей религии шаманизма.

Известно, что в VIII веке некоторые храмы последователей Зороастра и Будды и церкви христиан были обращены в мечети, а в Бухаре и Самарканде и некоторых других местностях были построены новые мечети, в 893 г. в Таласе была обращена в мечеть главная церковь...

Это указывает, да и из примеров других стран мы знаем, что ислам для своих мечетей использовал культовые сооружения других религий, им побежденных или вытесненных. Мы не знаем, какого характера были средне-азиатские сооружения несториан, маздеистов, буддистов и др., но надо думать, что от них какие-то строительные приемы не могли не вкорениться и в зодчество ислама. Мы также не знаем, что с собой принесли арабы из Месопотамии и какие мечети они строили в VIII веке но естественно предположить, что они принесли с собой какие-то свои приемы и свои традиции. Мы не можем полагать, что арабы сразу уничтожили существовавшие до них строительные приемы, как не можем отрицать, что ислам должен был внести в строительство культовых зданий свои новые задания и новые требования.

Следовательно, мы должны прийти к заключению, что в ранней поре ислама строительство культовых зданий переживало эволюцию местных строительных приемов, архитектурных форм и композиций, под могучим влиянием новой культуры и религии. Вероятнее же всего, что зарождение архитектурных форм и строительных приемов, служащих основой мусульманской архитектуры Средней Азии, имело место задолго до появления мусульман, и исламу нужно приписать коренное изменение композиционных приемов, согласно потребностей своего культа и дальнейшее развитие и изобретение форм, ставших характерными для всей мусульманской архитектуры Средней Азии.

Шуази¹⁾, описывая древнейшее искусство Халдеи и Ассирии, ставит ряд вопросов о происхождении обожженного кирпича и приемов возведения сводов из глибин Азии и сообщает: первая башня из обожженных кирпичей, о которой имеются исторические сведения, была построена, как сообщает Библия, пришельцами с Востока, принесшими с собой новые наречия, неизвестные древней Халдее... Такой же вопрос возникает относительно происхождения раствора и ставится общий вопрос: не принадлежат ли эти приемы и изобретения народам, обитавшим в глубине Азии, у которых, по видимому, было положено начало всем производством, основанным на употреблении огня (обожженный кирпич, известь, алебастр и т. д.) и на изобретении сводов и т. д. и т. д.

„Удовольствуемся,—пишет в заключение Шуази,—лишь постановкой этих вопросов в ожидании, когда положительные данные позволят решить их окончательно; они близко касаются истории человеческих рас и того обмена идей, из которого создалась наша цивилизация“.

Нас это особенно интересует, так как некоторые существующие по настоящее время конструктивные приемы Средней Азии, как, например, кладка сводов без кружал должны быть отнесены к древнейшим, и может быть здесь найдутся если не первоисточники зарождения некоторых древнейших приемов строительства, то во всяком случае одно из звеньев, соединяющее позднейшие эпохи с эпохами доисторическими. Ряд других примеров, которые можно было бы привести, указывают на необходимость самого углубленного изучения архитектуры Средней Азии для решения сложных вопросов: о взаимоотношении древнейших и новых эпох смежных государственных образований Турана, Ирана, Афганистана, Индии, Китая и т. д. на создание архитектуры ислама.

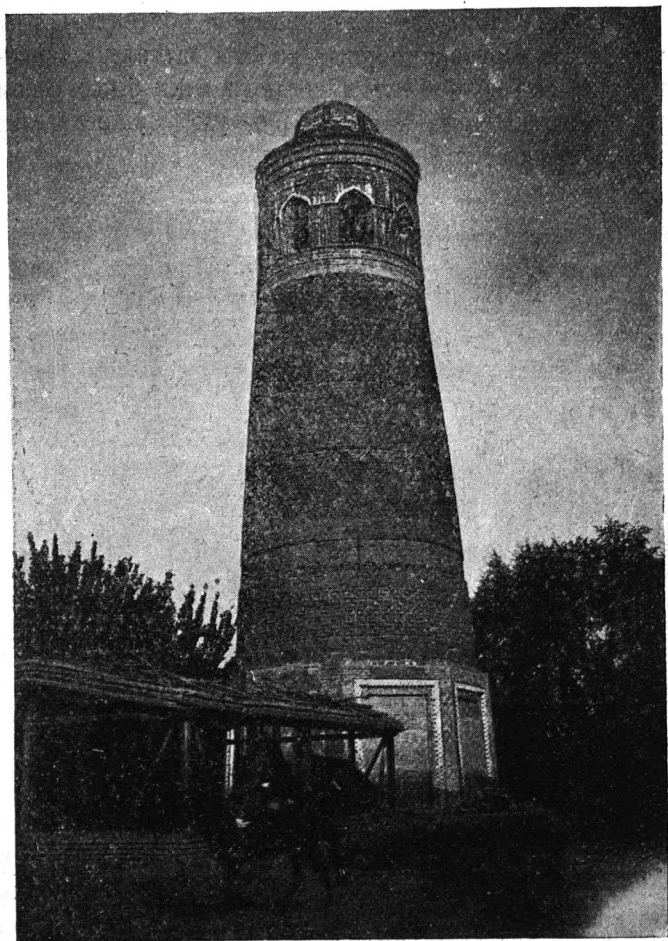
Выявлению же тех „положительных данных“, о которых пишет Шуази, должны быть посвящены научно-исследовательские и реставрационные работы. Таковые данные мы можем получить, исследуя какой-нибудь памятник с исчерпывающей полнотой.

Дошедшие до нас памятники Средней Азии или в руинном состоянии, или в состоянии отремонтированном,—во многих случаях не имеют первоначального вида. Столетия наложили на них свой налет, на одних более, на других менее, но все же следует отметить, что в этом отношении средне-азиатские памятники дошли до нас в лучшем виде с наименьшими искажениями и менее значительными новыми добавлениями, нежели памятники западно-европейского и русского зодчества.

Этому счастливому для исследователя обстоятельству мы обязаны сложившемуся, к сожалению, у мусульман обычаю предоставлять памятники собственной судьбе и только некоторые, наиболее видные и почитаемые из них, иногда ремонтировались примитивным образом, если разрушения при этом были сравнительно небольшие; в противном случае, предпочиталось сооружение сломать и возвести новое, соответственно духу своего времени. Так, например, минарет в кишлаке Узгене простоял без ремонта 800 лет и был восстановлен местным населением в 1923 году под влиянием общего культурного подъема населения Средней Азии; расположенные там же два крайних из трех мавзолеев XII века находятся сейчас в полуразрушенном состоянии и не носят на себе никаких следов ремонта; мечеть Биби-Ханым в Самарканде, обреченная на произвол судьбы с давних веков, вот уже 525 лет стоит без всякого ремонта; упавший сто лет тому назад купол мечети при медресе Тия-Кари в Самарканде так и остался не восстановленным и т. д.

Мусульманские мастера не были любителями восстанавливать, и вместо ветхих сооружений предпочитали возводить новые. Так, по сло-

вам В. Л. Вяткина, мавзолей Хаджи-Абди Даруна под Самаркандом перестраивался совершенно заново два раза; относительно первого мавзолея нет никаких сведений, второй мавзолей имел облицовку резной терракоты, которая глазурью была покрыта не сплошь, и, наконец, третий

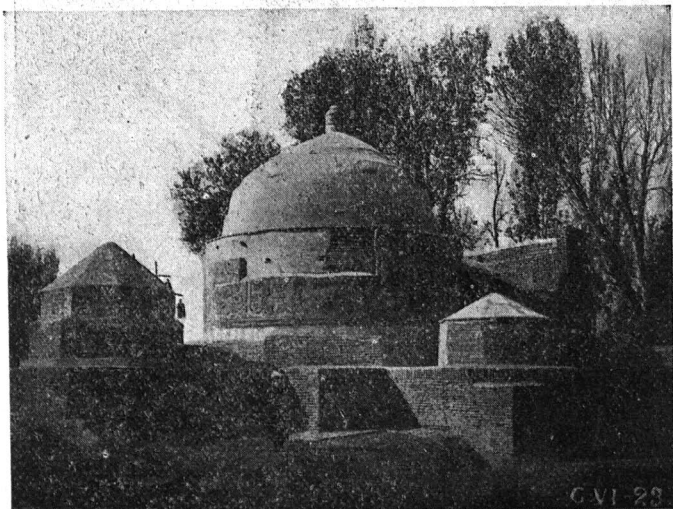

Минарет XI в. в Узгене Ферганской области. Верхняя часть восстановлена местным населением в 1923 году.

мавзолей, ныне существующий, вместо этих двух построен уже во времена Улуг-Бека в XV веке. Медресе Тили-Кари построена на месте старого разрушенного здания и даже с использованием старого материала как строительного, так и облицовочного кирпича.

Произведенные за последнее время архитектурно-археологические исследования памятников, сопровождавшиеся предварительными или более точными обмерами, фиксированием фотографий и проч. обнару-

Живали нам не только их внешне архитектурное выражение и приемы композиции, но и особенность приемов кирпичной кладки, конструкций, облицовки и проч., а также, выявляя первоначальный вид памятника, выяснили все позднейшие наслоения времени. Сравнительный анализ обследований наметил и установил эволюционный ход тех или других приемов и традиций. Благодаря сложившимся обстоятельствам главные исследовательские и реставрационные работы выпали на долю гор. Самарканда, но в 1924 году объектом исследования были Коканд, Узген и Бухара, результат которых наметил ряд уже существенных взаимоотношений различных мест Средней Азии.

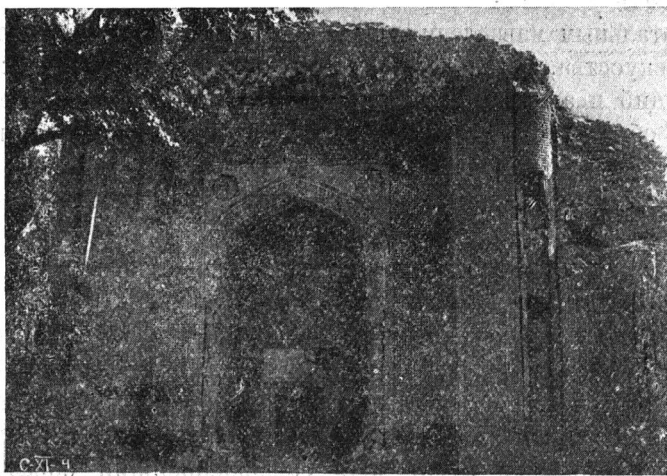

Мавзолей XV в. Хаджи-Абди Даруна в г. Самарканде.

В наиболее старых сооружениях X и XI веков, как, например, в мавзолее Исманила Саманидского в Бухаре и в так-называемом „среднем“ из трех мавзолеев кишлака Узгена мы имеем наиболее древние и интересные конструктивные применения нервюрных сводов в парусах при переходе от квадрата к восьмиграннику, а также наиболее древнюю декоративную облицовку фигурной кирпичной кладкой и, пожалуй, прообраз резной терракоты — резной орнамент по штукатурке. Наиболее архаичным во всех отношениях и наиболее загадочным остается для нас средний Узгенский мавзолей.

Произведенные нами в 1924 году архитектурно-археологические исследования всех трех мавзолеев, устанавливают хронологический порядок их постройки, преемственность эволюционного развития как архитектурных форм, так и декоративной облицовки, устанавливают, что средний мавзолей к концу XII века уже был полуразрушен и восста-

новлен вместе с постройкой с южным мавзолеем в 1186 году. Здесь мы имеем пример, пожалуй, исключительный, капитального восстановления полуразрушенного мавзолея в конце XII века. В виду чрезвычайно интересного объединения в одной компактной группе единственных в своем роде памятников Средней Азии, здесь необходимо продолжить и произвести самое детальное обследование, которое нам откроет всю ценность этих древних сооружений. В северном мавзолее мы имеем пример лучшего и древнейшего порталного мавзолея с наивысшим архитектурным выражением портала (пиштака), формы, созданной мусульманской архитектурой Средней Азии. Прекрасная облицовка с приме-

Мавзолей XII в. в г. Ургече, так-называемый „Северный“.

нением почти всех видов орнаментальной облицовки — из штукатурки, кирпича и резной терракоты — удивительно гармонично сочетается с архитектурными линиями и формами. В южном мавзолее мы имеем пример порталного мавзолея, с также еще не покрытой поливою резной терракотой, по образу и подобию которого строились почти все последующие аналогичные порталные мавзолеи. Эти три мавзолея для нас чрезвычайно интересны еще тем, что здесь мы имеем редкий пример рядом стоящих трех сооружений, отразивших на себе ход эволюции форм надгробных мавзолеев от центрической к порталной, и ход эволюции орнаментальной облицовки от кирпичной, фигурной кладки через резную штукатурку к резной терракоте, происшедших в течение двух столетий.

К центрическим мавзолеям нужно отнести те наиболее древние мавзолеи, которые в композиции плана имеют или круг или правильную геометрическую фигуру, а также одинаковую обработку всех фасадов.

К таким мавзолеям должны быть отнесены башенные мавзолеи Хорасана, как-то: башня Кобуса, башня в Радкане близ Кучана, башня в Бостаме и ряд других. Из наших средне-азиатских мавзолеев к этому типу нужно отнести мавзолей Султана-Санджара в Мерве, мавзолей Исмаила Саманидского в Бухаре, мавзолей Рухабад в Самарканде, восьмигранник в Шах-и-Зинда и др. Средний узгенский мавзолей имеет в плане квадрат и чрезвычайно схож с планом мавзолея Исмаила в Бухаре, но имеет два фасада, обработанных более богато, при чем один из фасадов обработан богаче другого, два других фасада — без обработки. Этот мавзолей должен быть отнесен к переходной форме от центрического мавзолея к порталному.

К порталным мавзолеям относятся самые характерные для мусульманского искусства, которые имеют так называемый пиштак-портал, декорирующий и архитектурно выражающий вход в мавзолей с одной стороны и образующий, таким образом, в противоположность центрическим мавзолеям, главный фасад. Эта форма пиштака в течение десяти столетий варьировалась по разному, но никогда не изменяла своей сущности — арки, украшающей вход.

Этой форме суждено было играть выдающуюся роль в средне-азиатской архитектуре во всех видах сооружений.

Первым по древности, судя по имеющимся в нашем объекте материалам, как об этом уже сказано выше, является портал Северного Узгенского мавзолея. Размер статьи не позволяет подробно остановиться на описании этого замечательного памятника, где чисто мусульманская традиция, психология и культ дали совершеннейший образчик своего творчества¹⁾.

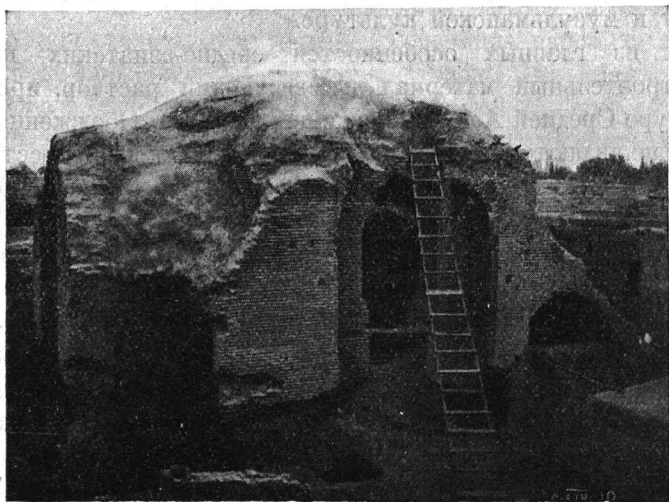
Являясь памятниками до-монгольской эпохи, сохранившимися до нас вообще в ограниченном количестве, на-ряду с другими ценными памятниками, как мавзолей Исмаила в Бухаре и Султана-Санджара в Мерве, памятники Узгена характеризуют нам наиболее древние формы мусульманской архитектуры, дошедшие до нас. Если о первых веках ислама мы говорили, как об эволюции каких-то местных композиционных и строительных приемов, то на этих памятниках мы видим уже отражения чисто обще-мусульманского искусства и изобретательности.

Монгольский период истории Средней Азии XIII и начала XIV в.в. почти не сохранил нам памятников, потому при обзоре имеющегося материала приходится перенестись сразу в эпоху Тимура (вторая половина XIV века) и Тимуридов (XV век).

К этой эпохе, эпохе пышного расцвета мусульманского искусства, относятся лучшие из сохранившихся памятников г. Самарканда. Соору-

¹⁾ Среднеазиатским предполагается в ближайшее время издание монографии, посвященной памятникам Узгена.

жения Тимура имели целью произвести потрясающий эффект и всегда удачно справлялись с этой задачей. Грандиозная непревзойденная мечеть Биби-Ханым, замечательные надгробные мавзолеи Гур-Эмир и жены Тимура Биби-Ханым, эффектная большая мечеть в Шахрисябзе, торжественно-помпезный ряд мавзолеев Шах-и-Зинда, мечеть Хазрет-Ахмет Яссави в г. Туркестане и др.— все они покрыты полихромной облицовкой, в противоположность рассмотренным выше однотонным до-монгольским памятникам, украшенным только узорчатой кирпичной кладкой и резной терракотой.

Мавзолей Ак-Сарай в Самарканде.

В архитектуре Тимура и Тимуридов пиштак становится распространенной формой во всех композициях и достигает наивысшего совершенства в мечети Биби-Ханым...

Интересное сочетание пиштака с восьмигранником наблюдаем в мавзолеях Тимура и мавзолее его жены Биби-Ханым. Пиштак, зарождение которого мы видим в Узгенских мавзолеях и высшее достижение в сооружениях Тимура, становится необходимой чисто-мусульманской формой в зодчестве Средней Азии и сопредельных стран Персии и Афганистана.

Другой архитектурной формой, получившей такое же распространение, но о которой скажем только несколько слов, являются минареты, прямые или гранные башни. Сохранившиеся до-монгольские минареты свидетельствуют, что уже в то время (мин. в Бухаре, в Узгене) эта форма получила грандиозное выражение, и последующие века не превзошли их; но, восприняв, ввели ее в композицию грандиозных соору-

жений, как составную архитектурную форму и как декоративный элемент в некоторых других случаях.

Эти две архитектурные формы, применяемые во всех случаях композиции, и являются существенными элементами зодчества ислама Средней Азии.

Ограничившись этим обзором мусульманского зодчества со стороны выявления чисто-мусульманских черт в архитектуре, необходимо сказать, что композиционные традиции, выработанные и завершенные эпохой Тимура, также к этому времени получили вполне конкретное обще-мусульманское выражение и все отличительные черты, свойственные исламу и мусульманской культуре.

Одной из главных особенностей средне-азиатских памятников является строительный материал и связующий раствор, применяемый в архитектуре Средней Азии с древнейших времен. Обожженный кирпич и алебастр не являются изобретениями мусульманского искусства, и способы их применения и кладки были еще известны в древнейшие времена, как об этом говорилось выше.

Эластичный алебастровый раствор и кладка из плоского кирпича, наиболее всего отвечают характеру местностей, подверженных постоянным землетрясениям, являющимся наибольшими разрушающими факторами и поэтому в этом направлении, в защиту от этой стихии, были направлены техническо-архитектурные усовершенствования создаваемых архитектурных форм. Памятники, дошедшие до нас от X и XI века, служат примером устойчивости этих сооружений даже в таких местах, как Узген, лежащий в центре проявления сильных землетрясений.

Все памятники Средней Азии, начиная с самых древнейших, в своих конструктивных частях сложенные из кирпича, при архитектурной обработке облицовывались особым декоративным слоем, часто из кирпичной фигурной кладки, в дальнейшем получившим развитие в облицовку резной терракотой и далее получивших полихромную поливу.

Это разделение сооружений на чисто-конструктивную часть и декоративную является весьма существенным для характеристики средне-азиатских памятников и это же разделение играло свою роль как при возведении памятников, так и отражалось на долговечности их существования. Те памятники, у которых облицовочный слой был более связан конструктивно, и где этот слой является кирпичным, эти памятники сохранились до нас в лучшем виде. Памятники же, имевшие облицовку, примороженную к конструктивному телу толстым слоем алебастра, покрытого или цветной мозаикой или большими плитами мрамора в цоколях, эти памятники носят на себе большие повреждения от времени. Вторым разрушающим фактором средне-азиатских памятников являются повреждения, наносимые атмосферическими и климатическими условиями. Большие поверхности плоских крыш, нуждающиеся в постоян-

ном уходе, являются наиболее уязвимым местом тех больших сооружений, которыми славится г. Самарканд. С разрушительными действиями атмосферных осадков и с разрушениями, производимыми жарой и морозами, мы имеем полную возможность и должны бороться; в этом направлении, главным образом, и ведутся реставрационные работы.

Затем не мало разрушений вносят всякого рода переделки и перестройки.

Одной из очередных задач Самаркандской Комиссии Средазкомстатриса является выпрямление наклонившегося минарета при медресе Улут-Бек, который был временно укреплен в 1918 г. инж.-архитектором М. Ф. Мауэром стальными троссами. Дальнейшие работы в этом отношении будут в ближайшее время осуществлены по проекту инженера В. Г. Шухова, одобренному особой комиссией Главмузея. Причиной уклона, или точнее, деформации этого минарета надо считать постановку его на углу здания. Следует указать, что минареты XI—XII века в Узгене, Бухаре; в Куля-Ургенче стоят без всякого наклона. То же самое мы наблюдаем на одиночных минаретах (тех же веков), находящихся на территории Персии.

Угловые минареты особенно распространялись в эпоху Тимура и Тимуридов, и все они почти получили уклон от вертикали, а некоторые из них уже давно упали. В настоящее время предвидится реальная возможность выпрямления падающего минарета в 1925 году, и это дело приобретает теперь чрезвычайно важное значение.

Весьма серьезными являются работы по укреплению свода над склепом в Гур-Эмире, а также предстоящие работы по укреплению знаменитого наружного купола гробницы Тимура.

Большая работа по укреплению главной арки в медресе Шир-Дор, укрепление мозаики на тимпане той же арки, работы по укреплению облицовки Тили-Кари и Улут-Бека являются циклом работ, имеющих своей целью укрепление памятников исторической площади Регистан, играющей сейчас большое значение при массовых празднествах, являясь центральной площадью старого Самарканда.

Не менее ценными и нужными работами надо считать работы по укреплению мавзолеев Шах-и-Зинда. Все эти работы, сопровождаемые архитектурными обмерами и научными обследованиями, накапливают ценный научный материал для изучения памятников Средней Азии.

Помимо практических работ реставрационного характера и кроме забот об охране памятников, Самаркандской комиссии приходится вести и чисто научную работу. Так, произведена фиксация всех надписей мавзолеев Гур-Эмир, которые предполагается издать в переводе и обработке В. Л. Вяткина. В 1924 году начаты были работы по обследованию находящегося в полуразрушенном состоянии весьма интересного памятника

Ак-Сарая, которые в 1925 году предполагается провести и закончить с исчерпывающей полнотой.

Весьма нужная деятельность Самаркандской комиссии на протяжении ряда лет тормозилась недостатком средств и недостатком научных работников, а также чрезмерным засилием в составе комиссии „художественного“ элемента, в итоге не оказавшего ожидаемой от него помощи.

В настоящее время Средазкомстарисом организуется поездка группы специалистов-архитекторов и студентов старших курсов для выполнения работ в г. Самарканде, а также для обследования и других пунктов Средней Азии. В г. Бухаре организована комиссия по охране памятников искусства и старины, одна из первых задач которой — ремонт чрезвычайно запущенных памятников, а также постановка дела охраны от бессистемных разборок ценных исторических памятников.

Средазкомстарис, а также его местные комиссии нуждаются в научной и технической помощи из Центра, и надо полагать, что тот контакт, который установился за истекшие организационные годы между Средазкомстарисом и научными учреждениями и организациями Центра, будут способствовать успешному проведению тех больших и серьезных планов, которые поставлены перед учеными и техниками, в содружестве с местными культурными работниками.

